

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисъ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 н.

ФЛАЖКА

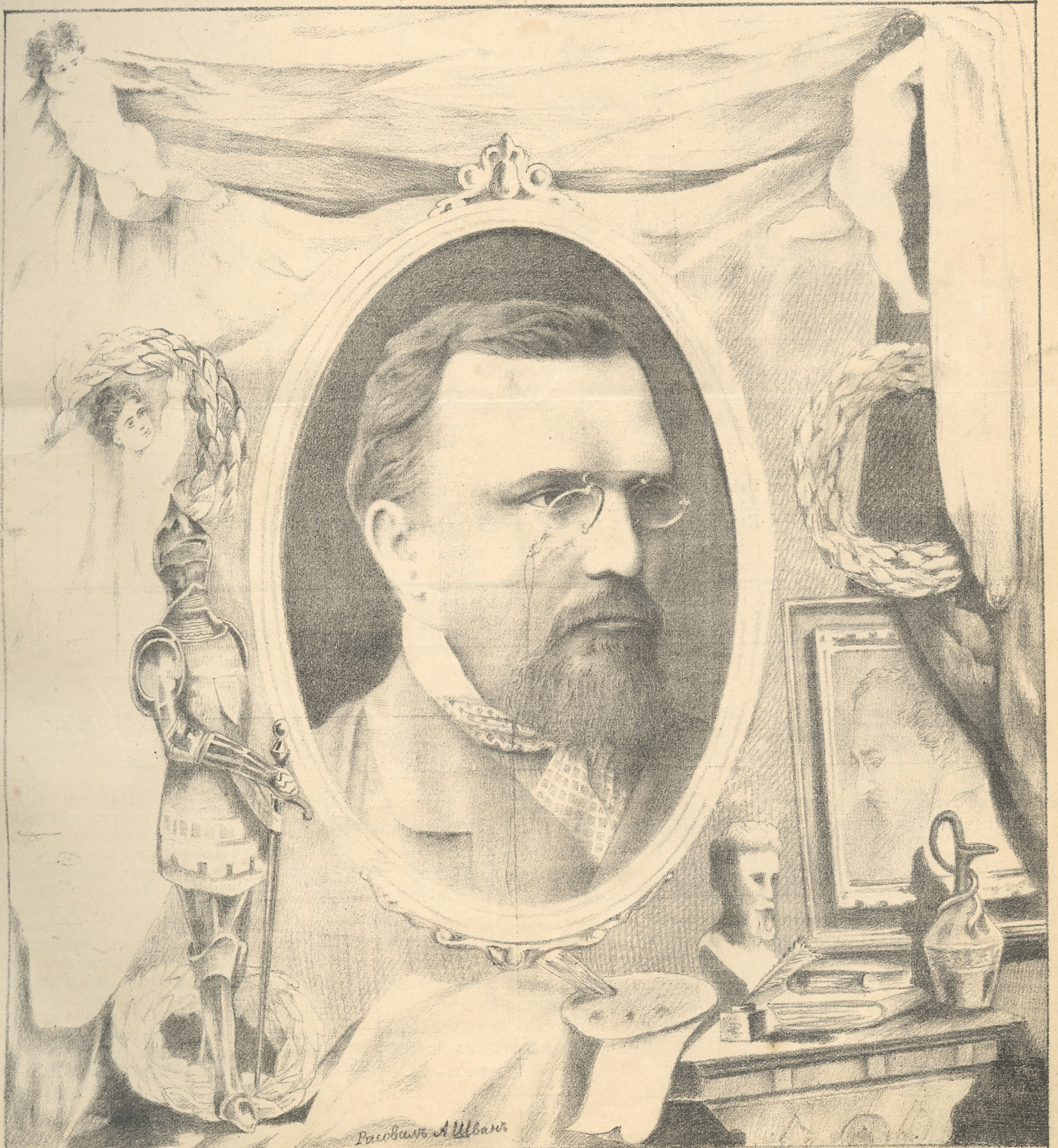
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

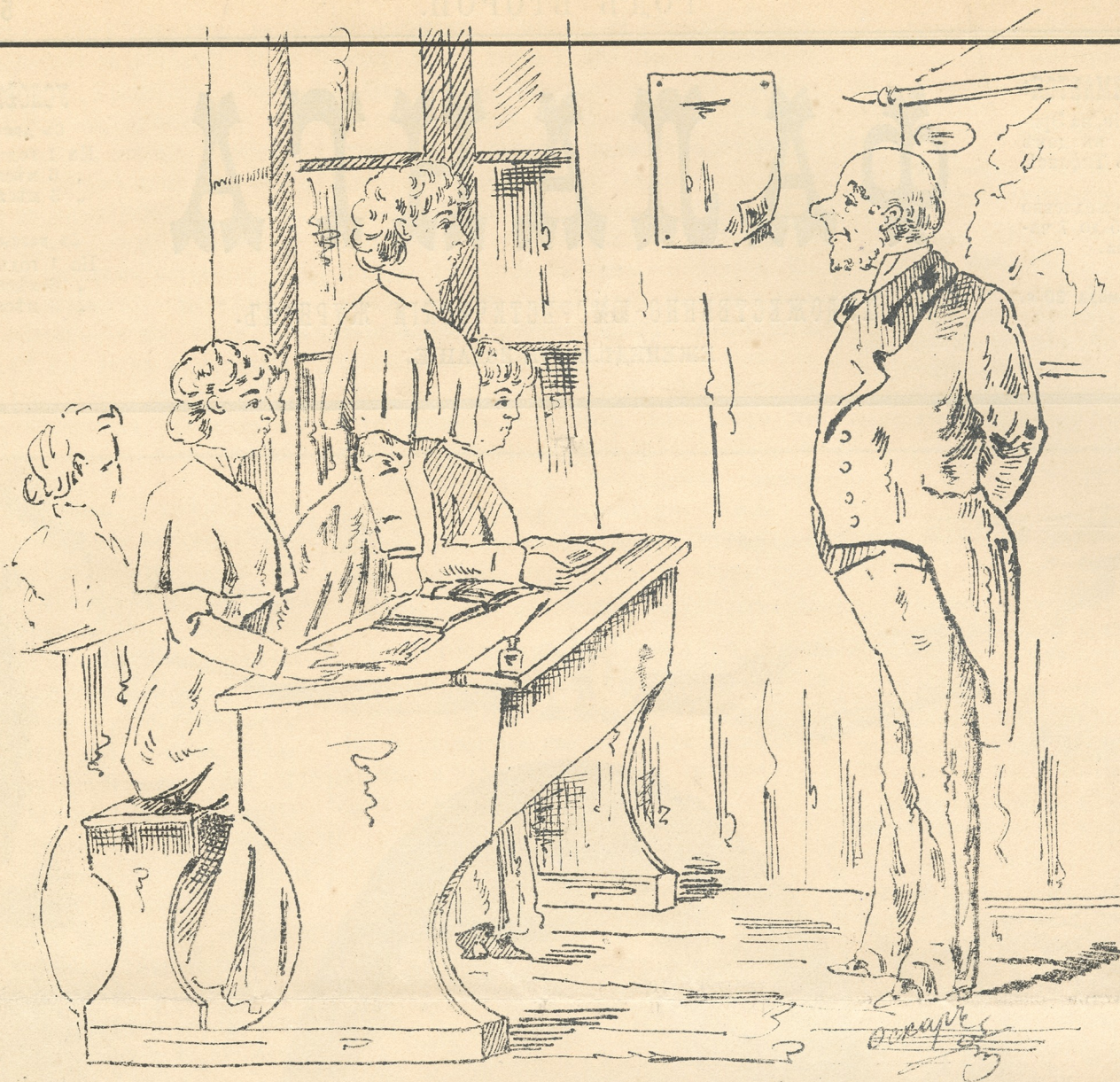
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:
На 1 годъ. . . . 8 р. — к.
" 6 мѣсяцевъ.. 4 " 50 "
" 3 мѣсяца. . . 2 " 50 "

Съ разсылкою по Имперіи:
На 1 годъ. . . . 8 р. 50 к.
" 6 мѣсяцевъ.. 5 " — "
" 3 мѣсяца. . . 2 " 75 "

-- Гдѣ находится островъ Иньогнито, г-нъ учитель?
 — Да такого острова нѣтъ.
 — Какъ нѣтъ?! А въ исторіи сказано, что Альфредъ Великій
 жилъ на островѣ иньогнито ..

СЪ НАЛЕТА

1

Говорять... но того, чтѣ вездѣ говорится,
 Не смѣть касаться печать.

И думаютъ даже... но чтѣ,—не рѣшится
 Никто откровенно сказать.

И пишутъ... но такъ, что выходитъ «другое»...
 (Да это извѣстно ужъ всѣмъ!)

Что-жь дѣлаютъ? Дѣлаютъ только такое,
 Что лучше-бъ не дѣлать совсѣмъ!...

2

Не легкое дѣло въ такія минуты
 Указывать людямъ пути:
 Идемъ для нихъ—это новые пути!
 Не знаешь и съ чѣмъ подойти!...

**

Смотрите: вотъ двое враговъ передъ вами
 Готовы другъ друга убить;
 Но прежде убили-бъ того они сами
 Кто вздумалъ-бы ихъ помирить!...

3

Ужасное время! и кровь... и смятенье...
 И силъ не хватило-бы жить,
 Когда-бъ не осталось одно въ утѣшенье,—
 Что хуже не можетъ ужъ быть!...

Ив. Тх—скій.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

Н. В. СИМБОРСКОМЪ.

Сынъ помѣщика Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, Николай Васильевичъ Симборскій родился въ 1849 году въ деревнѣ Заборовѣ, и воспитывался дома до 18 лѣтняго возраста. Домашнее воспитаніе имѣло огромное вліяніе на его характеръ, сохранивъ въ немъ природную мягкость и не выработавъ достаточной энергіи для жизненной борьбы. Рѣзкій въ выраженіяхъ, но мягкій и деликатный по натурѣ, Симборскій вообще считался, человѣкомъ безхарактернымъ. Но мягкость и безхарактерность—не синонимы! Хотя покойный давалъ иногда поводъ предполагать, что онъ поддается вліянію того или другаго изъ близкихъ къ нему людей, но въ дѣйствительности онъ всегда оставался «при своемъ мнѣніи», только это мнѣніе уходило «внутрь» его и тамъ—въ тайникахъ его души—осѣдало неудовле-

творенное, производя наслоения, въ которыхъ при тщательномъ изслѣдованіи мы могли-бы открыть и настоящую коренную причину его самоубійства...

На 18-мъ году Симборскій поступилъ въ Казанскій университетъ, на юридическій факультетъ; въ Казанскомъ университетѣ пробылъ одинъ годъ, а затѣмъ перешелъ въ Московскій, на тотъ же факультетъ; юриспруденція однако мало его интересовала и онъ не совсѣмъ аккуратно посѣщалъ юридическія лекціи; за то, по свидѣтельству его университетскаго товарища г. Рѣзунова, Николай Васильевичъ усердно занимался древне-русской литературой. Эти послѣднія занятія сослужили ему впоследствии немало-важную службу: его переложенія древне-русскихъ былинъ на современный языкъ замѣчательны по вѣрной передачѣ образовъ и тона нашего древняго эпоса. Нѣкоторыя изъ этихъ переложеній были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“, въ „Рускомъ Обзорѣніи“, въ „Недѣлѣ“ и въ „Пчелѣ“.

Въ 1870 г., будучи на 2-мъ курсѣ, Симборскій занемогъ воспаленіемъ надпеченной плевры и долго пролежалъ въ клиникѣ. По выходѣ изъ клиники Н. В. принялся за юриспруденцію, и успѣшно выдержавъ экзаменъ, перешелъ на 3-й курсъ. Покончивъ съ экзаменомъ Н. В. снова весь отдался литературѣ. Въ это время онъ былъ сотрудникомъ юмористическаго журнала „Развлеченіе“ и до сихъ поръ еще издающагося въ Москвѣ. Впоследствии Н. В. не любилъ вспоминать о своихъ юношескихъ произведеніяхъ и не говорилъ, что именно было имъ написано и напечатано въ Москвѣ.

Въ 1871 году Н. В. снова заболѣлъ и по просьбѣ матери былъ увезенъ изъ Москвы въ Заборовку отчимомъ своимъ г. И—мъ. Но жизнь въ захолустьи оказалась крайне неподходящей для Н. В.; его тянуло въ Петербургъ, какъ въ главный центръ нашей умственной жизни. Приѣхавъ въ Петербургъ въ 1873 г., Симборскій, по усиленнымъ просьбамъ матери, поступилъ на службу по Министерству Внутреннихъ дѣлъ, но такая „служба“ соответствовала его наклонностямъ еще менѣе, чѣмъ юриспруденція, а потому, прослуживъ 4 мѣсяца, Симборскій вышелъ въ отставку и исключительно занялся литературой. Онъ пристроился въ редакціи „Вѣстника Европы“ и составлялъ для послѣдней библиографическій листокъ, въ тоже время помѣщая свои стихотворенія въ „Рускомъ Обзорѣніи“, въ „Недѣлѣ“, въ „Пчелѣ“ и въ „Будильникѣ“.

Въ 1877 году, по объявленіи войны съ Турціей, Н. В. прибылъ въ Тифлисъ, а отсюда отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента газеты „Новое Время“. За экспромтъ, сказанный послѣ нашей неудачи подъ Зивиномъ, Симборскій долженъ былъ оставить армію и возвратиться въ Тифлисъ.

По окончаніи войны, когда Н. Я. Николадзе сталъ издавать въ Тифлисѣ газету „Обзоръ“, Симборскій сдѣлался постояннымъ его сотрудникомъ.

Еще прежде, до возникновенія „Обзора“, Николай Васильевичъ вынужденъ былъ искать въ Тифлисѣ постоянныхъ занятій и нѣкоторое время былъ воспитателемъ въ частной гимназіи Теръ-Акопова.

Въ прошедшемъ году покойный Симборскій просилъ о разрѣшеніи ему издавать въ Тиф-

лисѣ юмористическій журналъ, подъ заглавіемъ „Зурна“, но ходатайство его не увѣчалось успѣхомъ. Когда же разрѣшено было изданіе „Фаланги“, то Симборскій сдѣлался однимъ изъ постоянныхъ ея сотрудниковъ и оставался таковымъ до своей злополучной кончины, прервавшей его жизнь въ полномъ разцвѣтѣ его замѣчательнаго таланта.

Мать Н. В. Симборскаго, горячо его любившая, жива.

Въ „Фалангѣ“ перу Н. В. Симборскаго принадлежали: стихотворенія за подписью „Фаланга“ и кромѣ того, слѣдующія стихотворенія и экспромты: „Сказка объ Иванѣ дуракѣ“, „Педагоги“, „Наташа“, „Батумскіе жители“, „Нѣкто“, „Кутаисцы“, „Тихій плачъ вдали, въ туманѣ“, „Инженерный ежегодникъ“, „Счастливецъ“ и „Логичные выводы“. Изъ прозы Н. В. принадлежатъ статьи, озаглавленные „изъ Кутаиса“—безъ подписи. Подъ большею частью его прежнихъ стихотвореній стоитъ подпись: Н. Сим—скій.

Въ заключеніе нашихъ „протокольныхъ“ свидѣній о Симборскомъ, скажемъ нѣсколько словъ и по поводу его самоубійства, совершившагося въ ночь съ 20 на 21-е февраля настоящаго года.

Симборскій прострѣлилъ свою грудь черезъ карточку женщины. Поэтому, причиной его самоубійства многіе сначала признали несчастную любовь. Допуская существованіе послѣдней, мы тѣмъ не менѣе признаемъ за нею только значеніе послѣдней капли, переполнившей горькую чашу жизни покойнаго...

Всѣ, знавшіе Симборскаго, не могутъ не знать и того, что онъ, по своему образу мыслей, принадлежалъ къ числу людей, которые и личное горе, и личное счастье не ставятъ выше своего „общественнаго“ призванія. Если бы условія его жизни согласовались съ его призваніемъ, а не шли въ разрѣзъ съ нимъ помимо доброй воли покойнаго; если бы онъ могъ спокойно относиться къ тому, какъ сложилась его судьба; „если бы, да когда бы“ онъ могъ „почувствовать“, хоть разъ въ жизни, что и онъ составляетъ нѣчто въ родѣ дѣйствительной спицы въ отечественной колесницѣ,—то навѣрное никакое личное горе не довело-бы его до самоубійства...

Лишь подъ конецъ своей короткой лихорадочной жизни Симборскій исключительно отдался своему любимому занятію—литературѣ; но тутъ, къ его несчастью, приспѣло такое время, когда никакое личное дѣло не въ силахъ уже было поглотить человѣка, чуткаго къ общественнымъ невзгодамъ, и когда даже для того, чтобы пассивно выжидать лучшаго времени, требуется извѣстная твердость и энергія...

Благодаря этому обстоятельству, тѣ же голоса, которые твердили сначала о несчастной любви Симборскаго, стали указывать послѣ 1 марта на прямую связь между самоубійствомъ покойнаго и ужаснымъ событіемъ 1 марта, ссылаясь при этомъ на вымышленный фактъ полученія покойнымъ большой суммы денегъ изъ неизвѣстнаго источника и на смыслъ его предсмертной записки. Мы первые признаемъ эту связь въ смыслѣ тяжелаго нравственнаго состоянія каждаго нервнаго человѣка передъ общественной бурей, состоянія, могущаго раздавить слабого, чуткаго поэта, безсильнаго передъ грубой силой, и притомъ обезкураженнаго жизненными не-

удачами и уже подавленнаго безсодержательностью своей личной жизни. Но мы востаемъ противъ всякой мысли о малѣйшемъ, хотя бы и пассивномъ участіи Симборскаго въ самомъ ходѣ событій.

Всѣ фактическія указанія досужей молвы при провѣркѣ ихъ оказались ложными: никакихъ денегъ покойный не получалъ, а всякій, кто его зналъ, зналъ очень хорошо, что онъ всегда, и до послѣдней минуты, крайне нуждался въ деньгахъ; что касается оставленной имъ записки, то не смотря на неопредѣленность заключающихся въ ней выраженій, они въ достаточной степени объясняются самыми подробностями его самоубійства: на груди покойнаго, между дуломъ ружья и сердцемъ, была имъ положена и прострѣлена женская фотографическая карточка...

Очевидно, покойному легче было лишиться жизни себя, чѣмъ ту, чью только карточку онъ рѣшилъ прострѣлить вмѣстѣ съ своимъ сердцемъ. Подобный выводъ напрашивается самъ собою и было бы большою натяжкой искать другаго объясненія его предсмертнымъ словамъ.

Ив. Тх—скій.

ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ

(Дружескій разговоръ).

„Я дѣвушка бѣдная... Очень охотно Со старцемъ богатымъ вступаю я въ бракъ... Веселую жизнью живя беззаботно, Навѣки забуду я бѣдности мракъ. Одно лишь смущаетъ.. По правиламъ строгой И честной морали привыкла я жить... Сьумѣю-ли честной идти я дорогой, Сьумѣю-ли долгъ свой супружескій чтить?“

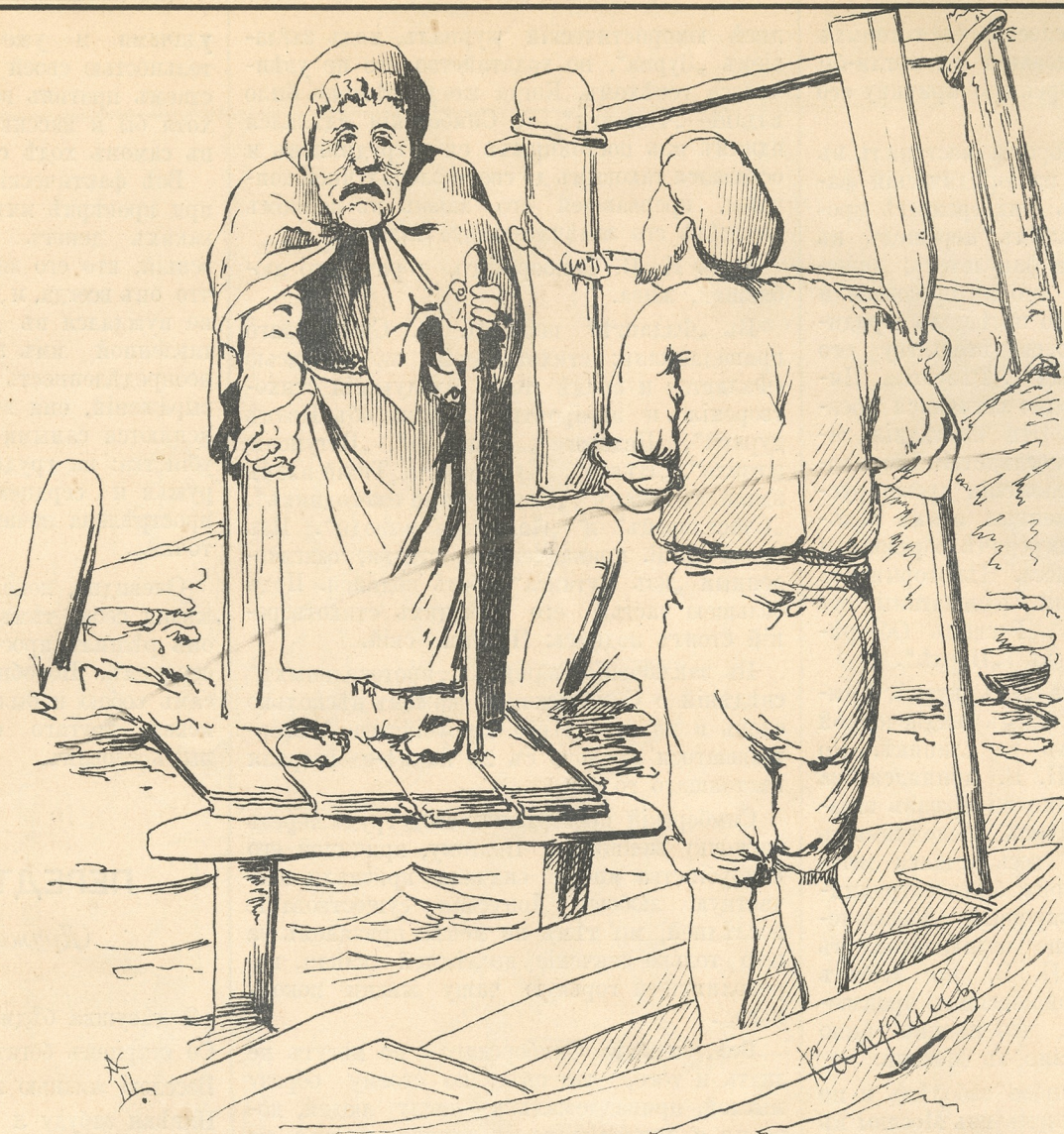
— Зачѣмъ же напрасною думой терзаться И мрачными мыслями душу крушить? Вѣдь съ мужемъ ты можешь легко расквитаться И долгъ свой тяжелый на вѣки забыть. Надъ совѣстью чуткой не сдѣлавъ усилія, Ты будешь въ морали какъ прежде строга... Супругъ подаритъ тебѣ рогъ изобилія, А ты подарить ему... просто рога.

Г—овъ.

* * *

2 апрѣля вышелъ первый номеръ «Юридическаго Обзорѣнія», давшій намъ всего хорошенкаго по немножку.

Прочитавъ въ новомъ журналѣ увѣсистой по смыслу и задачамъ передовья замѣтки, и статью «Ссылка на западъ» мы пожалѣли, что «Юридическое Обзорѣніе» такое маленькое изданіе. Мы думаемъ, что въ такомъ маленькомъ помѣщеніи трудно будетъ мѣрить большимъ аршиномъ, которымъ хочетъ измѣрять событія редакція новаго журнала.

- Что съ вами сударыня? Чего вы убиваетесь?
- Сыночекъ мой... бѣдный... здѣсь ужо...нуль, пропалъ несчастный!...
- Не пропадетъ, сударыня, ужъ вы на этотъ счётъ не безпокойтесь;— у насъ лодочники хоть цѣлую недѣлю будутъ искать, — всё найдутъ безпремѣнно!..

НА ЗУБЪ

Въ думѣ все еще не могутъ расхлебать кашу, заваренную г. Зубаловымъ. Недавно слушался докладъ управы „о незаконности внезапной ревизіи!“ Что же это такое? „Въ нашъ вѣкъ повальной свистошляски“ не думаютъ даже прикрываться фиговыми листьями! О tempoга, о moges! Къ чести, нужно сказать, что городской голова остался „при мѣнѣ“. Кто же защищалъ незаконность ревизіи? Неужели вы не догадываетесь, читатель? Ар. Тамамшевъ. Кто изъ гласныхъ поддерживалъ его? Угадайте... Леонъ Элимирзовъ!... Два сіамскихъ близнеца шіоевскаго завѣщанія.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно же быть послѣдовательнымъ. Если распоряжаться безконтрольно имѣніемъ Шіоевой, то зачѣмъ же исключать „городское имѣніе“. Кто смѣетъ контролировать г. Ар. Тамамшева и другихъ членовъ управы? Неужели же, если по-

надобились деньги, идти къ Барутчеву? Вѣдь городская касса ближе... Эхъ вы, господа, „креста на васъ нѣтъ“, вотъ что! Послѣ защиты г. Элимирзова „незаконной ревизіи“ г. голова спросилъ: кто желаетъ говорить? Молчанье продолжалось нѣсколько секундъ... Наконецъ всталъ нашъ „Русланъ“, т. е. г. Зубаловъ. Всѣ наострили уши.

— Mea culpa, mea maxima culpa! сказалъ онъ и сѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послышалось фырканье.

Непосвященные въ тайны латинской премудрости потребовали перевода. Кто то увѣрялъ, что по русски или лучше сказать, по тифлиски фраза эта выходитъ: „ѣдетъ Максимъ въ Кулпы“, по грузински («мива Максимэ Кулпасъ»)! Немногіе поняли язвительное замѣчаніе нашего Чацкаго.

— Такъ я буду баллотировать вопросъ. Кто за управу пусть встаетъ.

Всталъ одинъ... Л. Элимирзовъ. Картина. Сдержанный смѣхъ; сзади раздается слово

„sollamento“ съ язвительною усмѣшкою г. Зубалова. Нѣкоторые просятъ разъяснить это слово г. Зубалова; но онъ даетъ разъясненіе на ушко своему сосѣду!..

Да здравствуетъ управа и Л. Элимирзовъ, „sollamento“! Ура!...

Тифлисъ теперь въ полномъ смыслѣ европейскій городъ! На дняхъ дума утвердила концессию на конно-желѣзную дорогу. Если г. Држевецкій, какъ говорятъ, устроитъ въ Муштаидѣ кафе-шантанъ съ привозными пѣвицами, то тогда и разговаривать нечего—Европа, да и только. Нужно отдать справедливость, наши гласные отнеслись добросовѣстно къ этому дѣлу и посѣщали учащеннѣе засѣданія думы. Ихъ точность дошла до того, что они потребовали отъ концессионера, чтобъ онъ имѣлъ хомуты для лошадей установленной формы, чтобъ дышла вагоновъ не напирала на лошадей и тѣмъ не давали повода извѣстному главѣ торговаго дома г. Касумову настроить свою лиру „въ пользу Общества покровитель-

ства животным". А гласный кн. Аб. Бебутовъ до того осерчалъ, что вышелъ изъ засѣданія, хлопнувъ дверью, со словами: „не могу участвовать въ засѣданіи подѣ такимъ предѣдательствомъ“. Причиною была все та же злосчастная „бухгалтерія“, которая какъ кладъ не дается въ руки нашимъ думцамъ. Почтенный гласный хотѣлъ говорить о „веденіи книгъ“ въ желѣзно-дорожныхъ правленіяхъ, для того, какъ оказывается, чтобъ показать какимъ образомъ опредѣлить стоимость имущества. Городской голова лишилъ его слова, потому что въ предыдущемъ засѣданіи рѣчь шла объ *инвентарной книгѣ*, въ которой все запишется и не придется, какъ полагаетъ кн. Бебутовъ, „вызывать тѣнь Матинова черезъ 50 лѣтъ!“ Мы положительно утверждаемъ, что кн. Бебутовъ «не имѣлъ права на рѣзкую выходку и не соблюлъ уваженія къ предѣдателю»; если каждому гласному, который полагаетъ, что открывъ ротъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ и Америку, давать „свободу слова“, то никогда никакой вопросъ не кончится. Вообще кн. Аб. Бебутовъ, какъ нужно полагать, страдаетъ болѣзнію „инженернаго самолюбія“. Когда разбирался въ думѣ его проектъ о Мадатовскомъ островѣ, то онъ обнаружилъ крайнюю нетерпимость къ чужимъ сужденіямъ. Въ каждомъ его возраженіи проглядывала мысль: «вы профаны; я только одинъ постигъ таинство инженеріи!» Къ несчастію одинъ изъ гласныхъ сказалъ, что въ частномъ разговорѣ одинъ инженеръ высказалъ мысль, будто Михайловскій мостъ не выдержитъ напора воды, а между тѣмъ тотъ же инженеръ свидѣтельствуетъ теперь совсѣмъ другое. Нужно было видѣть инженерное негодованіе кн. Бебутова: онъ наговорилъ кучу неприятныхъ „вещей“ гласному, осмѣлившемуся заподозрить извѣстнаго инженера въ шаткости убѣжденій. Удивительный народъ эти специалисты; я думаю, что если кн. Аб. Бебутову удастся выстроить желѣзную дорогу или мостъ, то онъ запретитъ ѣздить по нимъ всѣмъ „профанамъ“, чтобъ они не осквернили своимъ невѣжествомъ инженерное искусство. Но интересный вопросъ: сдѣлаетъ ли онъ исключеніе для г. Данилова?

Князь Акакій Церетели открылъ рядъ лекцій о „Барсовой кожѣ“ какъ бы въ пику любителямъ, восстанавливающимъ текстъ этой знаменитой поэмы. Первые двѣ лекціи были очень малолюдны, что нужно приписать непамятной погодѣ. Нужно сознаться, что часть публики была нѣсколько разочарована лекціею. Эта часть публики соединяетъ вмѣстѣ съ словомъ „лекція“ неперемѣнную ссылку на Геродота, Страбона, Гоброна Сабинина, Дюбуа-де-Монпейру, Георгія Церетели, Серену и прочихъ историковъ, истерзавшихъ несчастную Грузію, подобно «орлу, терзавшему Прометея». Ожиданія не оправдались; лекторъ

не упомянулъ даже о знаменитомъ „гуджаристѣ“ Дм. Пурцеладзе; лекція его была чисто литературной бесѣдой, какую не часто приходится слушать. Это былъ концертъ остроумія; неподражаемыя сравненія ошеломляли слушателя; его бесѣда напоминала прелестный фейерверкъ; замѣчательно мѣткими словами онъ охарактеризовалъ племена Кавказа. Можно было только пожалѣть, что «бесѣда» эта слишкомъ скоро кончилась. Кн. Ак. Церетели читаетъ не болѣе 40 минутъ, съ двумя антрактами. Это немного мало для людей, которые не взирая на невылазную грязь и дождь пріѣхали его послушать. Въ прошломъ году г. Георгій Церетели представлялъ рѣзкій контрастъ: онъ чуть не довелъ до обморока слушателей своею длинною рѣчью и принужденъ былъ ограничиться четвертью того, что предполагалъ прочесть. Кн. Ак. Церетели упустилъ одно важное качество имеретинъ при ихъ характеристикѣ. Оказывается, что они не знаютъ *мтры времени*. Вѣроятно, вслѣдствіе различныхъ причинъ, у нихъ столько свободнаго времени, что считаютъ лишнимъ его мѣрить. Странно, что лекторъ упустилъ это.

СКАНДАЛЪ

(Изъ Беранже)

Только въ злобѣ дня
Я мораль терплю;
Не придворный я,
Но скандалъ люблю!

И умно,
Ой люли, умно!
И смѣшно,
Ой люли, смѣшно!

Добродѣтель — вонь!
Что намъ дѣлать съ ней?
Золото — законъ
Нынѣшнихъ людей!

И умно,
Ой люли, умно!
И смѣшно,
Ой люли, смѣшно!

Какъ педантъ сухой,
Губить душу, честь...
Только тотъ не злой —
Въ комъ пороки есть!..

И умно,
Ой люли, умно!
И смѣшно,
Ой люли смѣшно!

Чтобъ вина купить,
Книги на базарь!
Намъ не то, чтобъ пить,
А чтобъ былъ угарь!..

И умно,
Ой люли, умно!
И смѣшно,
Ой люли смѣшно!

Каждый театраль
Свѣтъ исправить мнилъ...
Онъ ошибки гналъ,
А порокъ щадилъ!..

И умно,
Ой люли, умно!
И смѣшно,
Ой люли, смѣшно!

И вопить Катонъ:
„Смирно! я бѣшусь!“
Глупо злится онъ,
Мудро я смѣюсь!

И умно,
Ой люли, умно!
И смѣшно,
Ой люли смѣшно!

Ивань-да-Марья.

19 МАРТА

(СЦЕНКА)

Лукьянъ Наумичъ Тыкинъ прибѣжалъ домой въ три часа дня съ своего дровянаго двора, совсѣмъ запыхавшись. Сталъ въ прихожей снимать съ себя лисью шубу — шуба не снимается. Застрала рука въ рукавѣ, да и только. Рванулъ — и вырвалъ клокъ мѣха, зацѣпившагося за пуговицу у сюртучнаго рукава. Лицо его было красно какъ мѣдная кастрюля и потъ съ него лилъ градомъ.

— Была у насъ комиссія? строго спросилъ онъ старуху-кухарку.

— Была, батюшка, была. И мать Таисія была, и сваха Лукерья была. Обѣ были и обѣ чай пили. И посейчасъ еще самоваръ на столѣ стоитъ отъ нихъ оставшихся, отвѣчала кухарка.

— Дура глухая! Кто тебя про монахиню, да про сваху спрашиваетъ. Были у насъ какіе-нибудь полицейскіе? Полицейскіе были?

— Полицейскіе? Нѣтъ, полицейскихъ никакихъ не было, а колониетъ картофелю мѣшокъ привезъ, это точно. Портниха приходила платье примѣрять.

— Прочь, баба безпонятливая! Иди къ своимъ кочергамъ и ухватамъ!

Тыкинъ вѣжалъ въ комнаты. Его встрѣтила жена, полная, пожилая женщина.

— Что ты, Лукьянъ Наумичъ? Что съ тобой? Или случилось что нибудь? спрашивала она.

— Была у насъ полицейская комиссія? такимъ-же порядкомъ спрашивалъ онъ и жену и, погрозивъ ей пальцемъ, прибавилъ: — Не скрывать! Говорить правду по чистой совѣсти.

У зубного врача.

— Ты, батюшка, не выдерни мнѣ зуба-то; теперь вѣдь Великій постъ, пойдетъ кровь, упаси Боже, и оскоромишься еще чего добраго!...

— Ей Богу, никакой полиціи не было. Вотъ-те Христось не было. Сваха Лукерья была...

— Далась имъ эта сваха! Я про полицію, а онъ про сваху. Плевать я на вашу сваху хочу!

— Отлично, отлично. Она изъ всѣхъ силъ старается о нашей дочери, жениха богатаго, да обстоятельнаго ищеть, а ты на нее плевать хочешь.

— Поважнѣе жениховъ-то, матушка, теперь дѣла-то есть. Ну, слава Богу, что еще эта самая комиссія къ намъ не приходила! Значить, еще придетъ она. А я бѣжалъ какъ угорѣлый и думалъ уже, что опоздалъ. Приберете скорѣй все въ квартирѣ, чтобъ безпорядка не было, зажгите лампады у всѣхъ образовъ и накройте въ гостиной въ углу столъ съ закуской, приказывалъ Тыкинъ.— Будемъ ждать и примемъ честь честью.

— Да что такое случилось-то? Какая такая комиссія? допытывалась жена.

— Да гдѣ вы живете? Въ лѣсу, что-ли? Пнямъ молитесь, что-ли? Комиссія для вы-

бора выборныхъ къ господину новому градоначальнику въ совѣтъ. Поняла теперь?

— Ничего не поняла.

— Ну, и не надо тебѣ понимать. Зажигайте лампадки и готовьте закуску. Или стой! Давай прежде мнѣ мою медаль. Надо во всемъ парадѣ примать! Хоть въ приказѣ сказано только то, чтобъ сего 19 марта ровно съ трехъ часовъ дня всѣмъ безъ изъятія квартирнымъ хозяевамъ дома быть, а про регалии ничего не упомянуто, но каждый патриотъ своего отечества долженъ самъ понимать. Живо! Одна нога здѣсь, другая тамъ. Да пусть тебѣ и дочь помогаетъ.

— Но растолкуй ты мнѣ, Бога ради, кого ты ждешь?

— Комиссію. Комиссію, въ которой будетъ полицейскій чиновникъ, гласный городской думы и два военныхъ офицера или вмѣсто нихъ пара обыкновенныхъ департаментскихъ чиновниковъ. Вотъ кого я жду. Вотъ кого всѣ мы обязаны ждать къ себѣ сегодня. Сегодня объ этомъ въ газетахъ пропечатано, сегодня и придутъ. Вотъ вы все трак-

тиромъ-то меня корите. Не сходи я сегодня въ трактиръ и не прочитай газетъ, такъ-бы и не узналъ ничего; просидѣлъ-бы у себя на дровяномъ дворѣ, а сюда пришли-бы, и меня нѣтъ дома. А между тѣмъ такой приказъ, чтобъ всѣмъ быть дома. Прочитай, гляжу на часы—безъ пяти минутъ три. Бросилъ чай и бѣгомъ сюда. Эво, какъ взопрѣлъ, бѣжавши!

— Ну, а зачѣмъ она придетъ-то, эта самая комиссія? Вѣрно опять какая-нибудь летающая миазма на помойныхъ ямахъ проявилась? допытывалась жена.

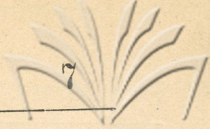
Тыкинъ посмотрѣлъ на нее и горько улыбнулся.

— Сбрехай еще что-нибудь. Сбрехай, а я послушаю! сказалъ онъ.— Какая же теперь летающая миазма, коли еще морозъ на дворѣ стоитъ. Комиссія придетъ и спроситъ, кого я желаю въ совѣтъ градоначальника выборнымъ назначить.

— Это зачѣмъ-же?

— Чтобъ всякія новыя мѣры обсуждать и наблюдать за ними.

— Охъ, ужъ давно пора на счетъ этого.

А то до чего дошло: купишь мѣру картофеля, а на дѣлѣ только три четверти купила, потому и дно, и бока у четверика, такъ въ нутро и вдавлены. Ну, понятно, что обмѣръ и выходитъ.

— Тыфу ты, глупая баба! плюнулъ Тыкинъ. — Съ тобой говорить—что воду толочь. Иди въ свой кухонный департаментъ и готовь закуску.—Настя! Достань мнѣ изъ комода медаль! крикнулъ онъ дочери.

— Да у васъ то самихъ руки отсохли, что-ли? послышался голосъ изъ другой комнаты.—Я дѣломъ занята, а вы зря по комнатамъ шледаете.

— Какія такія у тебя могутъ быть дѣла неотступныя?

— Рокамболя читаю и кедровые орѣхи грызу.

— Ну, лодикъ! Вотъ одры-то собрались! И за какіе такіе грѣхи меня Богъ такимъ женскимъ сословіемъ наказываетъ!

Тыкинъ вошелъ въ другую комнату. Тамъ у подоконника сидѣла его дочь, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, читала книжку и щелкала орѣхи. Тыкинъ вырвалъ у ней книгу, бросилъ на полъ и принялся самъ доставать изъ комода медаль.

— Какъ хорошо такое тиранство съ вашей стороны! попрекнула его дочь и надула губы.

— Иди и надѣнь платьѣе получше, а то сейчасъ придетъ комиссія чиновническая, а ты въ грязномъ ситцевомъ размахѣ, сказалъ Тыкинъ дочери.

— Вотъ на это я всегда согласна, коли молодые, да интересные чиновники будутъ,— сказала она.—А не интересные, такъ я и не выду.

— Выдешь, коли счетъ душъ начнется. И къ старымъ чиновникамъ выдешь.

— Какой такой счетъ душъ?

— А всѣмъ безъ изыятія, кто въ квартирѣ проживаетъ. Вытащатъ всѣхъ, поставятъ въ рядъ и начнутъ считать. Бьюсь объ закладъ, что выборы выборами, а кромѣ того, безпремѣнно счетъ всѣхъ душъ будетъ. Объ этой ревизіи ужъ давно поговаривали.

— Тогда я возьму, да и стану задомъ. Пусть по затылку считаютъ.

— Ну, дѣвка! Хуже солдата. Вотъ одрато себѣ воспитали!—говорилъ Тыкинъ, повязывая передъ зеркаломъ медаль.

— Хозяинъ! Тамъ васъ въ кухнѣ дворникъ нашъ спрашиваетъ,—доложила кухарка. Тыкинъ вышелъ въ кухню. Тамъ стоялъ дворникъ.

— Дома-съ?.. Ну, вотъ и прекрасно,— сказалъ онъ.—А я пришелъ справиться, дома-ли... Тамъ у насъ по двору эта самая комиссія ходитъ и черезъ полчаса къ вамъ придетъ. Такъ ужъ въ того... Ждите и не пужайтесь, коли ежели что.

— Ладно, ладно. Мы ужъ и закуску накрываемъ,—сказалъ Тыкинъ.—Много-ли ихъ тамъ?

— Двое. Чиновникъ, да околоточный. Было трое сначала. Одинъ баринъ ходилъ-ходилъ, попалъ на знакомую квартиру, бабка-голандка одна живетъ, да у ней и остался.

— Счетъ душъ жильцамъ не дѣлаютъ?

— Ничего не дѣлаютъ. Мы тоже насчетъ повѣрки душъ думали, анъ-нѣтъ. Только спрашиваютъ, какого вы хотите генерала выбрать. Вотъ и все.

— А развѣ непременно надо генерала записывать?

— Только генерала. И чтобъ генераль былъ настоящій, какъ слѣдуетъ.

— Вотъ поди-же ты! А у меня никакого генерала въ умѣ и нѣтъ. Были два генерала, да въ прошломъ году Богу душу отдали. Вотъ, поди-жъ ты какая оказія!

— Ничего-съ. Не тревожьтесь. Околоточный подскажетъ; — покровительственно замѣтилъ дворникъ. У насъ вонъ въ томъ флигелѣ мастеровые тоже не знали кого имъ записывать, а околоточный имъ: «Катайте ребята, такого-то». Ну, и закатали.

— Ну, ладно. Спасибо тебѣ, сказалъ Тыкинъ дворнику.

Дворникъ переминался съ ноги на ногу и не уходилъ.

— На чаекъ-бы съ вашей милости, заговорилъ онъ, почесывая затылокъ.

— За что? изумился Тыкинъ.

— Какъ за что! Такое ужъ положеніе вышло. Всѣ даютъ. Ужъ на что мастеровой народъ, а и тѣ по гривеннику... Конечно, мы этому не рады, что жильцовъ тревожимъ, а только ужъ безъ этого нельзя. Вонъ и повивальная бабка изъ семнадцатаго номера... Ужъ на что шкура непроходимая, а тоже пятнадцатый дала, а вы все таки купецъ обстоятельный.

Тыкинъ далъ два пятнадцатыхъ.

— Жена! Живо закуску! живо! Да лампадки скорѣй зажигайте! Комиссія ужъ у насъ по двору ходитъ! кричалъ онъ.

Началась суетня въ домѣ.

Н. Лейнинъ.

(Изъ Петер. газеты).

БАРЫШНИ

Барышни, барышни, тру-
лл-ла-ла!

Беранже.

Барышни, барышни... вы насъ полюбите...

Вы же потомъ насъ несчастныхъ и губите

Барышни, знаю я васъ!...

Вы прежде взглядомъ какъ варомъ ошпарите,

А ужъ потомъ гребъ гарманы обшарите

Стащите деньги—какъ-разъ!...

Часто знакомъ я былъ съ Олями, съ Вѣрами

Учатъ онѣ насъ дурными примѣрами,

Кажутъ частенько намъ «шишь».

Много за ласки ихъ денегъ заплачено,

Много здоровья и силы утрачено,

Нѣтъ, уже больше... шалишь!...

Знаю печальныхъ примѣрсовъ не мало я,

Знаю—доводить разгульно-удалая

Жизнь бѣдняковъ до стыда.

Знаю не рѣдко лишаются совѣсти

Даже и жизни. О, горькія повѣсти!...

Слаще разгуль знать труда!..

Но разгадалъ ужъ давно тѣ загадки я,

Что виноваты въ томъ барышни падкія

Къ золоту, къ золоту, да-съ!...

Барышни, барышни, вы насъ полюбите

Вы же потомъ насъ несчастныхъ погубите

Барышни, знаю я васъ!..

Атомъ.

ЗАДАЧА СЛГОВЪ

ЭГРІОСЭЭЭЭ
ЭНЭЭЭЭЭЭЭЭ

1) Изъ нижеслѣдующихъ 18 слогвъ составить 7 словъ, которыхъ начальныя буквы, читая ихъ сверху внизъ, составляютъ фамилію русскаго министра, а послѣднія фамилію его предшественника:

Ал, ба, бо, ве, вѣй, гро, дут, зе, зу, калъ, ле, о, ре, рит, ро, си, сус, ук.

1) Измѣненный человекъ.

2) Музыкальный терминъ.

3) Длинная рюмка.

4) Продуктъ вина.

5) Небольшое укрѣпленіе.

6) Стоячая вода.

7) Огнедышащая гора въ Европѣ.

(Разгадка въ слѣд. №).

ЗАМѢТКИ О ЖЕНЩИНАХЪ

Женщины любятъ все то, что ихъ удивляетъ.

**

Женщина-писательница вдвойнѣ грѣшитъ: она увеличиваетъ число книгъ и уменьшаетъ число женщинъ.

**

Женщинѣ легче написать нѣсколько длинныхъ писемъ, чѣмъ короткое одно.

**

Какъ бы ни была добродѣтельна женщина, она меньше всего цѣнитъ комплиментъ своей добродѣтели.

**

Свѣтъ говоритъ женщинѣ: будь нравственна, если хочешь; уважаема—если можешь, но будь красива... во всякомъ случаѣ.

**

Между всѣми женщинами, какъ между жрецами одной религіи, существуетъ безмолвный союзъ: онѣ ненавидятъ другъ друга, но всегда другъ за друга заступаются.

**

Человекъ, убивая женщину изъ любви, дѣлаетъ преступленіе, но не ошибку...

**

Рѣдкая женщина полюбитъ того, кого еще никто не любилъ.

**

Если женщина умна, она хочетъ повѣловать; если она глупа,—она не умѣетъ повиноваться.

**

Женщина видитъ и тогда, когда не смотритъ; мужчина, на оборотъ, часто и смотритъ, но не видитъ.

**

Женщина знаетъ кто въ нее влюбленъ раньше, чѣмъ самъ влюбленный.

**

Бракъ похожъ на судебный процессъ: одна сторона всегда бываетъ недовольна.

Перевелъ и записалъ

Иванъ-да-Марья.

N. N.

Зачѣмъ стараться намъ напрасно
Его познаныя разузнать?
Что идиотъ онъ—это ясно;
Что знаетъ онъ—не стоитъ знать!

ЗА ДОБЫЧЕЙ

Утро было пасмурное; накрапывалъ дождь. Не смотря на выписанную управой «подметательную машину,» на улицахъ была невылазная грязь. У подъѣзда Собранія туго собирались члены «взаимнаго довѣрія,» никогда не видавшие другъ друга, но тѣмъ не менѣе глубоко довѣрившіеся другъ другу! Преобладали «калошные члены»; безколошныхъ почти совсѣмъ не было. «Сюртуки» превенствовали надъ «кабами». Не смотря на преобладаніе «интеллигентныхъ» членовъ, совѣтъ и правленіе явились въ «черныхъ парахъ» а не во фракахъ, какъ въ прошлое воскресенье. Все предвѣщало «пасмурное засѣданіе». Сначала засѣданія все шло, какъ по маслу; каждое измѣненіе въ уставѣ, проектированное «комисією» проваливалось торжественно. Но въ концѣ страсти начали разгораться. Всталъ г. Гамбаровъ; воцарилось глубокое молчаніе; всѣ жаждали услышать слово «магистра финансовъ». Г. Гамбаровъ началъ съ упрека совѣту; бракованіе «огуломъ» всѣхъ параграфовъ проекта комисіи онъ находилъ неприличнымъ. Общее собраніе выбрало людей для обработки измѣненій въ уставѣ; люди эти добросовѣстно исполнили свою задачу, и вдругъ совѣтъ находить, что это ерунда, что измѣненій никакихъ не надо и проч. Совѣтъ не нашелъ нужнымъ даже для приличія согласиться съ какимъ нибудь параграфомъ «комисіи». Г. Гамбаровъ говорилъ очень рѣзко; такъ что даже «деликатнаго» г. Евангулова постоянно передергивало; а въ одно время они чуть было не вцѣпились другъ въ друга. Г. Гамбаровъ

совсѣмъ не умѣетъ говорить: онъ слишкомъ горячится, дрожитъ отъ злобы, не находитъ подходящихъ выраженій, заикается; въ концѣ рѣчи чуть ли не приходится приводить его въ чувство. Грозная филиппика его вызвала громъ рукоплесканій. Совѣтъ, не ожидая этого и какъ бы растерялся. Всѣ переглянулись. Всталъ предсѣдатель совѣта, г. Кайдановъ, и наконецъ выложилъ все на «чистоту». Мы дескать не хотимъ измѣненій въ уставѣ, потому что боимся, какъ бы намъ не навязали «нормальный уставъ!» Слова его взялся комментировать г. Евангуловъ. Я даже удивляюсь, какъ это г. Кайдановъ предвосхитилъ мысль г. Евангулова, любящаго «пужать» чѣмъ то высшимъ..... Разъ онъ прибѣгъ къ этому аргументу въ думѣ, во время знаменитаго насущнаго «хлѣбнаго вопроса».

Ему напомнили одну статью закона, которая гласитъ: «что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ!» Г. Гамбаровъ замѣтилъ, что совѣтъ прибѣгаетъ къ такому недостойному оружію, что отвѣтить на это находить... лишнимъ!

Затѣмъ начался «научный споръ». Г. Гамбаровъ вскользь упомянулъ, что правленіе не должно имѣть голоса въ совѣтѣ, какъ это практикуется въ Кіевскомъ Об. В. К. Раскрыли уставъ Кіевского Общества; прочли §, что то не то вышло. Г. Иоаннисіани взяли уставъ Тифлискаго Общества, началъ перебирать занятія совѣта, и просилъ г. Гамбарова указать ему, въ какихъ случаяхъ правленіе не должно имѣть голоса. Перебрали около 10 случаевъ; г. Гамбаровъ все соглашался, что во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно дать голосъ правленію. Всѣ какъ то удивленно смотрѣли другъ на друга; поединокъ становился интереснымъ; думали, что г. Гамбаровъ приберегаетъ какой нибудь «фортель» для пораженія противника къ концу; но увя, коонецъ этотъ не наступилъ! Значитъ, во всѣхъ случаяхъ кромѣ одного, нужно дать голосъ правленію? Для этого не стоитъ дѣ-

лать «коренныхъ» измѣненій въ уставѣ! — Впрочемъ, добавилъ онъ, мы съ вами, Павелъ Степановичъ, на себѣ испытали «горечь этого лишенія голоса» въ коммерческомъ банкѣ... насъ сажали въ передней!...

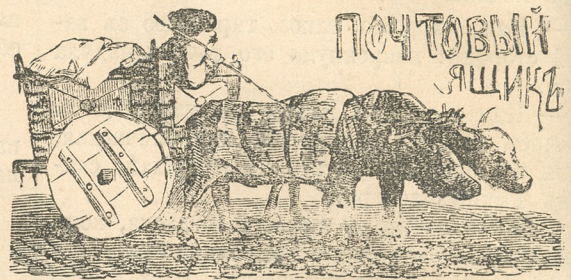
Исправляющей должность «управляющаго» коммерческаго банка, г. Тамашевъ, обидѣлся.

— Васъ сажали въ передней не какъ директоровъ банка, а какъ членовъ Взаимнаго Кредита! крикнулъ онъ.

Я вполне убѣжденъ, что «передняя» была сказана г. Иоаннисіани для краснаго словца. Теперь-же, съ переходомъ банка въ другое помѣщеніе, вѣроятно, мѣра эта отмѣнена, по той простой причинѣ, что передняя слишкомъ узка въ домѣ Зубалова.

Разгадка «Задачи слововъ», помѣщенной въ № 10 «Фаланги»:

Снобелевъ—Текинскій.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА

Барону Шинуазу.

Если мы напечатаетъ ваше возраженіе «Вѣчному прапорщику», то послѣдуетъ его возраженіе, на которое вы снова пришлете опроверженіе и такъ будетъ продолжаться безъ конца, и все изъ за одной звѣздочки на эполетахъ!.. Довольно господа; каждый изъ васъ напечаталъ по стихотворенію! Редакція «Фаланги» объявляетъ пренія по этому «важному вопросу» прекращенными, а вашъ споръ считаетъ достаточно выяснившимся для взрослыхъ читателей.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ИВАНЪ ФЕЛИКСОВИЧЪ
ТХОРЖЕВСКІЙ

Перехвалъ на Саперную ул., д. № 5.
принимаетъ отъ 3 часовъ по полудни до 8.

Дизенфекціонныя средства.

Желѣзныи купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, переносъ марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака подъ гост. Лондонъ.

(3) 30—11.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ
РЕСТОРАНѢ,

на Дворцовой улицѣ, въ галлерей Арцруни,

можно получать Бабки, Куличи, Банкухенъ, Сырныя Пасхи, Барашки, Ветчины, Жаркія и Холодныя блюда. Что кому угодно могутъ заказать въ вышесказанномъ ресторанѣ. Бабки можно видѣть пробу съ пятницы, 3-го апрѣля, за достоинство и вкусъ Ресторанъ ручается. 1—1.

ПРОДАЕТСЯ

КОНЦЕРТНЫЙ РОЯЛЬ

Беккера; можно видѣть на Гановской улицѣ въ домѣ князя Бебутова, № 10. (Ш.) 2—2.

ВЪ МАГАЗИНѢ

ТЕРЪ-НИКОГОСОВА,

что на Дворцовой улицѣ въ домѣ АРЦРУНИ постоянно получаютъ большой выборъ брилліантовыхъ, золотыхъ, серебрянныхъ вещей и часовъ изъ Женевы послѣдняго фасона самой изящной работы; тутъ же производится покупка и обмѣнъ старыхъ вещей на новыя, а также имѣется мастерская, гдѣ принимаются заказы и починка на ювелирныя работы.

ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ

В. ШАВЕРДОВА, въ ТИФЛИСѢ.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ

для напечатанія во всѣхъ газетахъ по редакціоннымъ цѣнамъ. (Ш) 10—10